

VIII–IX

17 Февраля 1879 [года] Теософисты наши достигли наконец места своих главных успехов и будущей шестилетней деятельности Е.П.Б[лататской]. На пристани Бомбея их встречали многие сотни членов братства Ария Самадж с музыкой, цветами и пением *Мантр*, священных гимнов. Они никак не ожидали такой многолюдной и демонстративной встречи, и что в особенности смутило и насмешило Блаватскую¹, это что их всех опутали, как праздничные шесты, гирляндами...

«Олькот стал похож на карнавального *boeuf gras*², мисс Бэйтс³ на шест, увитый павиликой, Уинбридж⁴ на рассадник лилий и роз, а я сама, должно быть, на мячик, сотканный из цветов. Меня и смех, и злость разбирали!.. Усадили нас на баркас и с музыкой поплыли мы к пристани, а там новое торжество: встретили нас местные голые танцовщицы, окружили и, затянув свои мантры, повели нас торжественно, все время бомбардируя цветами, к... вы думаете к экипажу?.. Как же!.. *К белому слону!*

Господи! Чтò мне стоило только взлезть по рукам и спинам голых *кули* (рабочих) на эту громадину!.. И как я не вывалилась из павильона, куда меня с Олькотом усадили, особенно, когда слон вставал!.. Других посадили в паланкины, и вот при кликах, бубнах и литаврах, при театральном торжестве, песнопениях и общем бесновании, повезли нас, рабов Божиих, в помещение Арии Самадж»...

И пошли ежедневные митинги, сборы, спичи, а потом и осьмнадцатичасовая⁵ работа изо дня в день. Сначала все шли чествования и празднования. Угощения в театрах пьесами в 12 актах и 37 картинах на санскритском языке опять-таки с обвиванием цветами и мишурными цепями, со вспрыскиванием духами и финальными приветственным спичами к Теософам самого бога Рамы, парившего под потолком на облаках верхом на змие Ананде... Потом устройство жительства, правления Об[щества], редакции предполагаемого журнала, а для самой Е[лены] П[етровны] кроме того ответы на тысячи писем (по званию Секретаря-корреспондента) и ее статьи в русские и американские журналы, которыми она положительно в первое время переселения кормила всю «Главную квартиру» Т[еософического] Об[щества].

Очень интересен перечень занятий того времени Е.П.Б[лататской], который она сообщает тетке своей Н.А.Фадеевой в одном из писем⁶. «Неудобно ли познакомиться с программой моей *обязательной* ежемесячной работы?.. Вот: 1) Проверить всякую статью для очередного № *Теозофиста*. 2) Перевести на английский язык от двух до четырех статей с Санскритского или других местных языков. 3) Самой написать передовик от редакции да еще какую-нибудь статейку за моей подписью. 4) Проверить все мистические статьи, чтоб Олькот и другие сотрудники не перепутали чего и не пересолили. 5) Проверять корректурные листы, иные раз по пяти. 6) Ответить дюжины на три-четыре писем, адресованных “Секретарю-корреспонденту Т[еософического] Об[щества]”. 7) Благодарить и заявлять о приеме книг со всех стран света, жертвуемых в нашу библиотеку. 8) Отвечать на несколько десятков частных писем. 9) Написать две-три *срочных* статьи в Америк[анские] и здешние газеты. 10) Присутствовать при посвящении, записывать и выдавать членские дипломы вновь поступающим в Об[щество], десятки их, а то и более⁷. 11) Проверить и записать новых подписчиков на журнал. 12) Пробегать ежедневно до 40 газет и журналов. 13) Каждый вечер обязательно принимать гостей (сколько в зале поместится), с научными целями являющихся Браминов, Буддистов, Сикхов⁸, Джаинов⁹, Парсийцев, Мусульман

¹ Написано поверх слова: *Елену*.

² жирного быка (*фр.*); имеется в виду старинный французский обычай, заключающийся в торжественном шествии в последние три дня масленицы откормленного быка, разукрашенного гирляндами цветов, в окружении праздничного кортежа людей.

³ Бейтс Роза (*Bates*) – английская учительница, член Теософского общества, из которого в 1880 г. была исключена.

⁴ Уимбридж Эдвард (*Wimbridge*, 1841–1898) – американский архитектор, скульптор, член Теософского общества, которое в 1880 г. добровольно покинул.

⁵ восемнадцатичасовая (*устар.*).

⁶ Далее зачеркнуто: *своих*.

⁷ В первые годы, а тем более в первые месяцы, – наплыв в Т[еософическое] Об[щество] был очень велик. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁸ сикхов (*англ. Sikhs*).

и европейцев; до одиннадцати часов с ними рассуждать о философии и метафизике. Кроме всего этого являются временные занятия, например: 14) разослать 650 пригласительных карточек, – какую влагаю и тебе как члену Об^{[шест]ва}, – на великое празднество, имеющее быть завтра вечером, 29 ноября, в честь четырехлетия Об^{[шест]ва} (1879), открытия библиотеки и выхода в свет нашего журнала “The Theosophist”. Представь себе удовольствие в этот жар раздеваться в пух и прах, обвешаться медалями, значками и лентами разных Обществ и улыбаться 650 членам, Теософам *голым, полуголым*, в кисейных туниках и во фраках с белыми галстухами¹⁰... Слава Богу, в начале Декабря уезжаю с депутацией Рао-Бахадуров, то есть “Великих Воинов”¹¹, в Аллахабад; еду с двойной целью: первая – свидеться с нашим Суами Дайанандом, а вторая – познакомиться с женою Резидента. Обещалась Синнетам приехать погостить... Пойдут там визиты, обеды, балы в высшем обществе. Волосы дыбом становятся от одной мысли!.. А надо... Но я предупредила Мс Синнет¹², что хоть я, дескать, и не русская шпионка, а американская гражданка, но слова неуважительного о России или нашем Государе не потерплю! Не хуже Кита Китыча¹³, чуть что при мне скажут, обругаю их Англию: так пусть наперед и знают!»¹⁴

Первое время пребывания в Индии Е[лена] П[етровна] и Олькот были страшно оскорблены глупейшей подозрительностью англо-индийских властей, учредивших за ними полицейский надзор. Разумеется, Елена как русская возбуждала наибольшие опасения. Три месяца длилась эта глупая история: Теософов принимали за шпионов с «пропагандисткой русского владычества во главе», распечатывали их письма, следили за движениями... Е[лена] П[етровна] бурлила, кипела негодованием и плохо приходилось от ее открытых насмешек несчастным полицейским офицерам, которым выпадало на долю следить собственно за ней. Она их узнавала, как бы они не переодевались, – и горе им было! Мы много смеялись ее тогдашним письмам. В то же время она писала негодующие письма в Лондон влиятельным друзьям своим и членам Об^{[шест]ва}. Там горячо вступились за них¹⁵. Либералы Массей¹⁶ и Митчель разразились потоком статей в *Times* и других газетах, где упрекали и пристыжали правительство Индии в слепоте, в грубости к женщине-путешественнице, приносящей честь и пользу науке и кроме задач научных и нравственных не имеющей никаких целей. А еще более влиятельный член Т[еософического] Об^{[шест]ва} Лорд Линдзей¹⁷, он же член Совета в Королев[ской] Академии наук и президент Астрономического Лонд[онского] Об^{[шест]ва}, написал Лорду Литтону¹⁸, тогдашнему вице-королю Индии, что полиция его осрамилась: «Я, мол, сам член их Теос[офического] Об^{[шест]ва}, так вы, пожалуй, и меня за русского шпиона и агента сочтете, если я приеду в Бомбей?..»

Л[орд] Литтон тотчас же приказал оставить их в покое: «Теософы совсем не агитаторы и шпионы, а просто русско-американские энтузиасты!» – заявил он и сам весьма скоро заинтересовался ими и очень дружески приглашал на свои обеды и вечера Блаватскую. Тем не менее, нареkanie в шпионстве отчасти привилось и позже всплывало не раз.

---

⁹ джайнов (*санскр.* jaina).

¹⁰ гастуками (*устар.*).

¹¹ Рао бахадур – почетный титул, который английские колониальные власти в Британской Индии жаловали за особые заслуги местным уроженцам, индусам по вероисповеданию.

¹² Синнетт Пейшенс (1844–1908) – жена А.П.Синнетта.

¹³ Речь идет о Тите Титыче Брускове, персонаже комедии А.Н.Островского «В чужом пиру похмелье» (1856), богатым, заносчивым и невежественным самодуром.

¹⁴ В другом письме она, извиняясь в краткости своих родственных корреспонденций, объясняет свой лаконизм тем, что у нее «мозги скрутило» от множества разнородной письменной работы и пальцы сводит от усталости. – *Черновая запись В.П.Желиховской.*

¹⁵ Первые полтора года пребывания в Индии Е.П.Блаватская находилась под демонстративным полицейским надзором, поскольку британские власти подозревали ее в шпионаже в пользу России. Эти полицейские меры были отменены 20 октября 1880 г. (см.: *Olcott H.S. Old Diary Leaves. The Only Authentic History of the Theosophical Society. Second Series, 1878–1883.* – London: The Theosophical Publishing Society; Madras: Theosophist Office, 1900. P. 229–231, 245–248).

¹⁶ Мэсси Уильям Натаниэль (Massey, 1809–1881) – британский адвокат, член парламента от либеральной партии.

¹⁷ Джеймс Линдси (26-й граф Кроуфорд, 9-й граф Балкаррес, 1847–1913) – английский астроном, член Лондонского королевского общества, президент Британского королевского астрономического общества (1878–1880), член Генерального совета Теософского общества.

¹⁸ Эдвард-Роберт Булвер (1-й граф Литтон, 1831–1891) – английский дипломат, вице-король Индии (1876–1880), поэт.

С наступлением жаров Оллькот и¹⁹ Елена Петровна двинулись в Среднюю, а потом и в Северную Индию на пред-Гималайские высоты, в Аллахабад, в Раджпутану, потом в Симлу, в Лахор и на Голубые горы. Письма ее из этих мест делаются похожими на рассказы «Тысячи и одной ночи», до того удивительны посещаемые ими места, часто совершенно неизвестные европейцам, и до того фантастичны сказочные подробности, переполнявшие эти экскурсии.

Тот, кого она называла «хозяином и учителем», – явившимся им здесь впервые живым человеком во плоти (это свидетельствуют письма Е[лены] П[етровны] от весенних месяцев 1879 г.), – недаром обещал познакомить их с «настоящей Индией», с Индией Радж-Иогов, подземных храмов, чудесных пещер, в которых творятся еще более чудесные дела!.. Он сдержал свое слово.

В то первое их путешествие, совершаемое отчасти для свидания с Дайянанд[ом] Саразвати, он сам еще благоволил к Теософам и, благодаря ему, совершались наглядные, так сказать, красивые матерьяльные феномены, до которых собственно Радж-Иоги (Махатмы) никогда не снисходят, презирая их как пустую забаву. Как бы то ни было, но дни и ночи, проведенные ими в подземных храмах Курлийских пещер²⁰ во время полнолуния – *индийского* полнолуния, заливавшего алмазным освещением сотни миль гор и дол, покрытых сказочной растительностью, непривычным ароматом которой европейцы захлебывались, – для нас, северян, представляли прелесть и чудо не меньшее, чем чудеса Суами Дайянанда.

А чудеса были немалые!.. Особенно раз в Бенаресе во дворце Махараджи Визианаграмского²¹ в присутствии многих европейцев²², когда в зале, закрытой отсюда, на головы присутствующих начали падать одновременно, по востребованию каждого, ветки липы в цвету, рябины в красных гроздьях, сосен в шишках *обледенелых*, покрытых снегом; мало того: частые хлопья снега, таявшего на глазах общества и массы всевозможных тропических и северных цветов, покрытых росой²³...

В подтверждение этих и многих других чудес, проделан[н]ых для удовольствия и назидания его европейских друзей проповедником единобожия «святым» Дайянандом Саразвати, сестра прислала нам печатные о них отзывы местных газет.

В Аллахабаде и Симле, живя у редактора-издателя официальной газеты «Пионер» А.П.Синнета, у полковника Гордона, у Юма²⁴ или Росс[а] Скотта²⁵, крупных местных сановников, перезнакомившись с властями и англо-индийским обществом, Е[лена] П[етровна] считала себя более или менее гарантированной хоть от крупных неприятностей; но не тут-то было: она считала без хозяина²⁶! А хозяевами-то оказались лица духовного звания – епископы и миссионеры, католики и протестанты...

Положим, их негодование и восстание против Теософов понятно: как бы то ни было, но они шли вразрез с Христианством уже тем одним, что не предпочитали его буддизму²⁷. Протесты и вражда духовенства понятны вполне; но совершенно непонятны те недостойные происки и

---

¹⁹ Далее зачеркнуто: *Блаватская*.

²⁰ Пещеры Карли.

²¹ В.П.Желиховская ошиблась: город Визианагарам находится в Центральной Индии недалеко от побережья Бенгальского залива, город Бенарес (Варанаси) находится на северо-востоке Индии.

²² Кроме свиты полковника Оллькота и Блаватской с ними были издатель газеты «*Pioneer*» Синнет с женой, начальник местной полиции Гордон с женой*, ученый немец-путешественник Тибо и многие другие. – *Примечание В.П.Желиховской*.

* Гордон Генри Родес (1822–1909), генерал-майор англо-индийской армии, и его жена Елена Генриетта – члены Теософского общества.

²³ См. письмо Е.П.Блаватской к А.Н.Аксакову от 2 января 1880 г. (Е.П.Блаватская и современность. Духовные аспекты современного миропонимания. Материалы международной научно-практической конференции. 6–7 мая 2016 г. Днепропетровск, 2016. С. 68; <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>)

Г.Оллькотт в «Листах старого дневника» рассказал о феноменах, которые произвела Е.П.Блаватская в декабре 1879 г., устроив во время приема у директора Бенаресского колледжа Ж.Тибо «дождь» из роз (*Olcott H.S. Old Diary Leaves. The Only Authentic History of the Theosophical Society. Second Series, 1878–1883. London, 1900. P. 131–133*).

²⁴ Хьюм Аллан Октавиан (1829–1912) – британский государственный и политический деятель Англо-Индии, орнитолог, президент Эклектического Теософского общества Симлы (1881–1882).

²⁵ Скотт Росс (?–1908) – секретарь Эклектического Теософского общества Симлы, муж Минни Хьюм (1854–1927), дочери А.О.Хьюма.

²⁶ Далее зачеркнуто: *по выражению французов*.

²⁷ Далее зачеркнуто: *а напротив, – президент и его личные сторонники превозносили его и не скрывали своего отречения от Христа*.

клеветы, которые оно пускало в ход. Нарекание в шпионстве потерпело фиаско... Теперь пустили в ход выдумку еще нелепее. Распустили слух, что Блаватская умерла и похоронена в Адене, а что в Индию явилась самозванкой ее собственная горничная или ключница. Это было из рук вон глупо, и разумеется всем, знавшим лично Е.П.Б[лаватскую], приходилось только смеяться, но не знавших ее было, как и врагов, несравненно больше, чем друзей... В журналах, враждебных Т[еософическому] Об[ществу], начали появляться оскорбительные статьи²⁸. Пришлось и ей прибегнуть к помощи прессы и свидетельству официальному. Блаватская писала родным, писала властям, между прочим, и князю А.М.Дондукову-Корсакову как генерал-губернатору Одессы, последнего русского города, где она проживала, и старому ее знакомому²⁹. Нечего и говорить, что свидетельства и удостоверения в свое время пришли самые убедительные и посрамили органы клерикалов. «Пионер», а за ним *Indian Mirror, Amritta Bazar Patrika* и множество других либеральных газет подхватили это анекдотическое новое фиаско врагов Т[еософического] Об[щества] и разнесли по всему миру эхо своих насмешек³⁰.

Это дало временное торжество Е.П.Б[лаватской], но, – увы! – не имело для нее благих результатов, потому что крайне раздражило ее далеко не бессильных врагов и в последствии удвоило их озлобление и решимость вредить вообще не столько Т[еософическому] Об[ществу], сколько ей лично.

Вообще, глядя издали на всю ее жизнь и деятельность, как ясно видишь ныне, что друзья своей излишней ревностью и горячностью много, гораздо более настоящих врагов, вредили ей³¹. Ни один враг, например, не пропагандировал и не прославлял ее феноменов; а ведь *ничто* столько не вредило и не вредит ее доброй славе, как все эти чудеса, верить которым невозможно людям, *их не выдавшим*,³² потому что в них даже *очень трудно* верится тем, кто их и видел... Все как-то думается: да не одурочен ли я? Не пропустил ли без внимания какую-нибудь все объясняющую подробность?.. Нет ли-де лазейки из необходимости допустить такую невозможность?..

Это вполне естественно и закономерно. Таких крайних верующих в психические силы и власть человека над природой, как ближайшие последователи и безусловные почитатели Е[лены] П[етровны] – как Оллькот, Синнет, Джедж и им подобные, – мало! А они-то своими безгранично убежденными рассказами о чудесах, творившихся ею, больше всего и навлекли на нее обвинений и горя...

Я, зная давно и достоверно удивительные свойства ее и психические дарования, вполне убежденная, что она *точно* владеет необычайными силами, – даже я с негодованием и болью на сердце читала такие статьи, как, например, книга Синнета «*The Occult World*»³³, которая относится именно к этому времени и рассказывает вещи, которым ни один здравомыслящий человек верить не может³⁴. Я тогда же писала сестре, что, по-моему, такие рассказы ее друзей, сколько бы ни

---

²⁸ ...бедной сестре. Смело говорю, что она была и есть достойна симпатии и жалости честных людей. Она могла... – *Черновая запись В.П.Желиховской.*

²⁹ Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) – генерал от кавалерии, член Государственного совета, генерал-губернатор Одессы и командующий войсками Одесского военного округа (1881), главноначальствующий на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1882–1890).

См. письма Е.П.Блаватской к А.М.Дондукову-Корсакову от 5 декабря 1881 г. (*Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам.* М., 2002. С. 217–234) и А.Н.Аксакову от 27 декабря 1881 г. (Е.П.Блаватская и современность. Духовные аспекты современного миропонимания. Материалы международной научно-практической конференции. 6–7 мая 2016 г. Днепрпетровск, 2016. С. 76–77; <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

³⁰ В газете «The Statesman» в номере от 6 декабря 1881 г. вышла клеветническая статья о Е.П.Блаватской, а в номере от 17 декабря газета выступила с извинениями по поводу собственных инсинуаций (см.: Мадам Блаватская и «The Statesman» // *The Theosophist*, 1882, т. III, №4, январь, Приложение. С. 2).

³¹ Далее зачеркнуто: *стре.*

³² Далее зачеркнуто: *и.*

³³ «Оккультный мир» (*англ.*).

³⁴ На пикнике, устроенном *au hasard* <наугад, *фр.*> в лесу, где никто прежде не бывал, одному гостю не хватило чашки в сервизе на 12 человек, потому что он был тринадцатый. «Чашку можно достать! – сказала Е.П.Б[лаватская]. – Возьмите нож и выройте ее из земли». – «Где же рыть?» – спросили ее. – «Да где хотите. Вот у того дерева где-нибудь...» Начиная рыть, тоже *au hazard*, и дорываются до чашки, до того плотно улежавшейся и заросшей волокнами корней древесных, что ее трудно от них отделить и вынуть. Чашка оказывается *тринадцатой* именно к сервизу – редкому сервизу, вывезенному из Англии.

Жена сановника Mrs Hume *двадцать лет тому назад* неизвестно где потеряла брошку и выражает желание ее найти. Она описывает, какая именно эта брошка... Е.П.Б[лаватская], находящаяся в гостях, как и эта дама, советует ей

приводили они свидетелей, только ее компрометируют. Она отвечала мне, что и сама того же боится, но что они находят, что обнародование этих феноменов, творимых не ею, а Радж-Йогами, преимущественно ее «хозяином», дают им много прозелитов... Впоследствии и они убедились, что это были фальшивые расчеты и что их дело только выиграло бы, если б не злоупотребляло ни могуществом, ни именами своих не всем доступных и понятных покровителей, Махатм.

Следующим летом они ездили на остров Цейлон, где буддисты, разумеется, сделали особенно торжественный прием представителю Т[еософического] Об[щества], своему единоверцу, и штату его.

Первосвященник³⁵ Сумангала³⁶ сам чествовал их, возил в храмы, показывал торжественное богослужение и такие реликвии, каких никто из Европейцев, ни даже сам принц Уэльский, не удостоился видеть.³⁷

В конце Июля³⁸ они собрались возвратиться в Бомбей, куда их призывали неотступно множество накопившихся дел, и предстоявшая перемена помещения, и наконец отчаянные призывы перессорившихся домочадцев, в особенности одной англичанки, старой девы, с французенкой, подобранной из жалости³⁹ Еленой Петровной, некоей Mme Coulomb (которая вместе с мужем пропадала с голоду и оба приютились у них из милости). Вскоре должен был начаться юго-западный муссон, при котором отчаянная качка. Поспешая проскользнуть до начала ветров, представители Т[еософического] Об[щества] собрались отплыть из Коломбо на пароходе *Гвальор*.

⁴⁰ Накануне отъезда один из Сингалезцев-буддистов, состоявший при Оллькоте, принес ему письмо, найденное им у себя на приборе, когда он садился обедать. Конверт совсем особенный, с красными иероглифами (хорошо известный полковнику и всем его близким, получавшим не раз еще в Америке такие письма *неведомыми путями*); на адресе приказание немедленно передать его президенту Т[еософического] Об[щества], а в письме две лаконических строки:⁴¹

«*Гвальор* потерпит аварии. Отложить отъезд. Переждать бурное время».⁴²

Разумеется, послушаться приказания никому и на мысль не пришло и все возрадовались предупреждению, когда на утро на море поднялся необычайный хаос. С *Гвальора* смыло семерых пассажиров; офицера убило сломавшейся мачтой; избитыми и ранеными оказалось большинство экипажа; несчастный пароход вернулся на другой день чуть не в щепках. После этой страшной бури настало несколько дней сравнительного спокойствия и ими воспользовались путешественники, чтоб возвратиться восвояси.

Жаль, что предусмотрительный Махатма заодно вовремя не предупредил Е[лену] П[етровну] о другой ей грозившей опасности: не внушил ей недоверия к Mme Coulomb и ее мужу – ее будущим предателям. Она знала этих людей еще в Египте, до переселения в Америку; теперь нашла их⁴³ в нищете и предложила заведовать хозяйством их Теософического общежития. Мисс Бэтс, секретарь Е[лены] П[етровны],⁴⁴ была с французенкой на ножах, и дело так обострилось в отсутствие Блаватской, что она заявила, что уйдет, если останется Coulomb. Скольких бед избегла бы сестра моя, если б предоставила эти негодьям, экономке и мужу ее, искать крова и заработков где знают. Но, несмотря на свои дары ясновидения и прозрения мыслей,⁴⁵ Е[лена] П[етровна] была в домашнем обиходе доверчива и неподозрительна, как ребенок. Coulomb умела ей угодить, и она

и другим поискать брошку в саду, и первое, что они видят среди одной из цветочных клумб – 20 лет тому назад за тридцать земель утраченную брошку... Все в таком же роде феномены наполняют эту книгу. – *Примечание В.П.Желиховской.*

³⁵ Далее зачеркнуто: *их*.

³⁶ Хиккадуве Шри Сумангала Тхера (1827–1911) – буддийский первосвященник Цейлона, ученый, писатель, настоятель храма Адамов пик, вице-президент Теософского общества (1881–1888).

³⁷ *NB (?)*. – *Примечание В.П.Желиховской.*

³⁸ Далее зачеркнуто: <...> *жара должна была несколько спасть.*

³⁹ Далее зачеркнуто: *сестрой*.

⁴⁰ <...> письмо Е[лены] П[етровны] к Н.А.Фадеевой. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴¹ Правда ли?? У Оллькота – нет! – *Примечание В.П.Желиховской, обращенное к В.В.Джонстон.*

⁴² Вера! Не поминай печатно, если Ол[лькот] не подтвердит. – *Примечание В.П.Желиховской, обращенное к В.В.Джонстон.*

⁴³ Далее зачеркнуто: *проездом в Александрию.*

⁴⁴ Далее зачеркнуто: *с ней*.

⁴⁵ Далее зачеркнуто: *сестра*.

доверяла этой хитрой бабе. Бедная мисс Бэтс оставила Штаб-квартиру Т[еософического] О[бщества]⁴⁶ вскоре⁴⁷ по возвращении представителей его из Цейлона, [которые] перешли из своих *бенглоу* – хижин, увитых розами, но для цивилизованного жилья совсем неудобных, – в более просторное помещение. Они разместились в лучшей части города в нескольких отдельных зданьях, расположенных среди сада на горе с великолепным видом на море. Тут же были ворота с надписью, гласившей, что здесь находится контора журнала *Theosophist*; от них 125 ступеней вели к главному зданию, где помещался президент, была зала заседаний, редакция и библиотека. Налево по горе были разбросаны хозяйственные здания, а направо на краю скалы над морем, окруженный пальмами, розами и многоцветными манговыми деревьями, возвышался отдельный домик с тер[р]асой и верандой вокруг. Здесь-то занималась Елена Петровна часов по пятнадцати, по осмнадцати в сутки, отвечая на сотни писем, на своих плечах вынося половину статей в каждом № *Теософиста* и кроме того сторонними статьями в русские и английские журналы поддерживая благосостояние всего персонала в Главной квартире.

В новом помещении их еще было то хорошо, что к ним в комнаты и постели реже забирались змеи, скорпионы и всякие гады; не так легко им было пробираться во второй этаж, спасаясь от потопления в сезоны дождей, чем когда они жили первое время в избушках на курьих ножках в уровень с землей. Как старательно их не окружали проволочными сетками от вторжения гадов, но сестра то и дело их находила у себя то на подушках кровати, то на креслах и столах. Она завела мангуса <...>⁴⁸.

<...> не официальной Индии, погибло безвозвратно!..

«Нет пророчества в отечестве своем» – Е.П.Б[латовская] должна была утешаться в этой истине почетом, воздаваемым ей, и оценкой (умственной и вместе *материальной*) ее сотрудничества и сочинений⁴⁹. К этому времени принадлежит слово, сказанное о⁵⁰ Блаватской Вице-Королем, лордом Литтоном, на официальном обеде, после которого ее кредит возрос сильно.

«Я знаю лишь одного автора, способного помериться с моим отцом⁵¹ в мистической литературе, – сказал он, – это Н.Р.Вlavatsky. Она способна потягаться в понимании отвлеченной метафизики с автором *Занони*⁵²!»

Эти слова тотчас же появились в официальной газете «Пионер», а оттуда были перепечатаны другими. «И стала я ныне, – пишет сестра, – львицей дня. Меня прославляют “глубокой ориенталисткой” и “другом науки, провозвестницей истины, поработенной вековыми предрассудками”... Читайте прилагаемые вырезки из газет и величайтесь такой прославляемой народами родственницей».⁵³

«Да, вот чужие славят и верят, а свои – знать не хотят, – жалуется Е[лена] П[етровна]. – Из Симлы еще написала я в “*Новое время*” статью – “Истина о племяннике Нана Саиба”. Собрала я об этом проходимце⁵⁴ самые верные данные: “*Голос*”⁵⁵ ведь то и дело печатает письма этого враля, словно дразнит Англию Россией и в войну науськивает, – а “*Новое время*” моего сообщения не помещает! Почему?.. Ведь она к тому же даровая. Да и можно было бы поверить добрым намерениям своего русского человека, стоящего у самого источника сведений об этом самозванном и непрошенном стороннике России “принце Рамчандре”⁵⁶... Его биография – совершенно фальшивая – была в Июньской книжке *Русского Вестника* за 1879 г.; а письма его из Багдада и Кабула в “*Голосе*” смешат здесь и злят без пользы всех знающих правду... Я в Симле у

⁴⁶ Далее зачеркнуто: *Представители его.*

⁴⁷ Далее зачеркнуто: *затем переменили.*

⁴⁸ Далее одна страница рукописи отсутствует.

⁴⁹ Далее зачеркнуто: *в иностранных журналах. В Индии собственно ее кредит возрос громадно, после.*

⁵⁰ Далее зачеркнуто: *ней.*

⁵¹ Далее зачеркнуто: *Л. Бульвер-Литтон.*

Бульвер-Литтон Эдуард (1803–1873) – английский писатель.

⁵² Роман Э.Бульвер-Литтона (1842).

⁵³ Следующее непременно напечатай. – Примечание В.П.Желиховской, *обращенное к В.В.Джонстон.*

⁵⁴ Далее зачеркнуто: *о котором.*

⁵⁵ Речь идет о петербургской газете «Голос» (1863–1884).

⁵⁶ Индус Рамчандр Баладжи выдавал себя за племянника Нана Сахиба (ок. 1824–?), одного из руководителей индийского народного восстания 1857–1859 гг., и был, по всей видимости, авантюристом (см.: 2 октября 1878 г. – 10 июня 1881 г. Документы о пребывании в России индийца Рамчандра Баладжи, выдававшего себя за племянника Нана Сахиба // Русско-индийские отношения. М., 1997. С. 209–219).

Лайеля (министр иностранных дел)⁵⁷ на вечерах по средам, на обедах официальных у вице-короля и во всех их аристократических сборищах, – куда Олькот и Синнет чуть не силой заставляли меня ездить, – столько за Россию бранилась, что даже горло заболело, и опротивели они мне все!.. А свои газеты моих статей не берут!»

Очень огорчали Елену Петровну такие действительно печальные факты. Всю жизнь она выписывала русские журналы и газеты; у ночи, у каких-нибудь пяти-шести часов сна, которые себе позволяла, урывала время на прочтение родных строк. Еще дня за два до кончины она пробегала *Новое Время*, которое тетка ее, Н.А.Ф[адеева], ей аккуратно всю жизнь высылала еженедельными пачками.

И вот какой странный психометрический случай произошел с нею осенью 1880 года. Расскажу его ее собственными словами.⁵⁸

«Я тебе так благодарна, так благодарна за журналы, – что и сказать не могу! – пишет она ей из Бомбея. – И какой был со мной на днях интересный случай. Получила я связку *Нового Времени*, легла спать так в одиннадцатом часу – встаю ведь я в пять – и взяла, не разбирая, первую попавшуюся под руку газету. Легла, да и задумалась об одной санскритской книге и как [с] помощью ее в своем журнале половче[е] осмеять Макса Мюллера⁵⁹, – значит, совсем не о вас; а газету в это время за голову забросила, прикрыв ею себе лоб... Вдруг чувствую, что мгновенно перенеслась в какой-то чужой и вместе знакомый дом. Но комната, вижу, мне незнакомая⁶⁰, а стол среди комнаты стоит знакомый... Смотрю – за столом сидишь *ты!*.. Ты, товарищ мой дорогой! Сидишь, покуливаешь папироску и глубоко задумалась... На столе ужин стоит, но в комнате никого нет. Только в дверях мелькнула будто уходящая фигура тети... И вот ты поднимаешь руку, берешь газету со стола и кладешь ее в сторону; а я в это время на ней читаю: “Одесский Вестник”... Затем все исчезло!..

Кажется – ничего странного в этом нет? Но вот что странно: я была убеждена, что прикрылась листом “Нового Времени”; а заметив в видении своем на столе возле тебя куски черного хлеба, так вдруг захотелось мне его хоть крошечку попробовать⁶¹, что даже во рту вкус его почувствовала!.. Думаю: что за пропасть? Откуда вдруг такая фантазия?.. Да чтоб отделаться от неисполнимого желания, развернула газету, чтобы читать, смотрю, – а это точно *Одесский Вестник*, а совсем не *Новое Время* у меня в руках, да мало того: прилипли к нему крошки ржаного родимого хлеба!.. Так эти-то кусочки, коснувшись до моего лба, и передали сознанию моему всю сцену, как вероятно она и была в ту минуту, как они пристали к газете. Крошки ржаного хлеба в этом случае заменили фотографический аппарат!..

Я так обрадовалась этим присохшим кусочкам, которые перенесли меня на мгновение к вам (так ведь и понесло на меня своим домом!), что на радостях слизнула самый большой, а маленькие, вот, вырезала и отсылаю тебе назад: пусть они вернуться домой с частичкой души моей!.. Это может и глупо, но чистосердечно».

Недуги Е[лены] П[етровны] шли, между тем, все увеличиваясь. Вечная паровая баня в Бомбее или страшные холода на высотах Симлы, Лахора и Умбаллы при удручающих занятиях и вечных волнениях, ибо неприятностей и тревог у нее всегда был непочатый угол, не могли способствовать излечению хронических болезней, расстройства сердца, печени и почек; а временные простуды, лихорадки, ревматизмы и постоянные накожные сыпи и опухоли – следствия климатических условий – еще усугубляли ее непрерывные страдания.

Письма ее во все время пребывания в Индии⁶² это какие-то эпопеи физических страданий, вечных перемещений с полусказочными подробностями путешествий, магических излечений не на долгие сроки, необыкновенных встреч и совершенно сказочных феноменов.

---

⁵⁷ Лайель Альфред (1835–1911) – британский государственный деятель, занимал крупные посты в правительстве Индии.

⁵⁸ *НВ. – Примечание В.П.Желиховской.*

⁵⁹ Мюллер Фридрих Максимилиан (1823–1900) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

⁶⁰ За эти годы родные наши в Одессе п[ереехал]и в д[руго]й д[ом]. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁶¹ Е[лена] П[етровна] так любила ржаной хлеб и др[угие] чисто русские съестные припасы, что мы ей постоянно посылали целые транспорты. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁶² Далее зачеркнуто: *в особенно.*

Нравственные страдания, конечно, влияли на общее состояние здоровья – и vice versa⁶³. А как же было ей быть нравственно спокойной, когда она была главной мишенью всех нападков, козлом-грехоносцем за все ошибки всего Общ^{шест}ва вместе и каждого члена в отдельности?.. Враги ее, а тем более клеветники, не дремали. Во главе таких стояли две редакции: газета «Statesman» и «Журнал Христианской коллегии». С первым дело дошло (в Декабре 1881 г.) до суда. Пол[ковник] Оллькот с печатными отчетами в руках доказал *Statesman*'у, что статья его о долгах Т[еософического] Общ^{шест}ва вообще и г[оспо]жи Блаватской в частности – ложь и диффамация; что основательница Общества не только его не обирает, а ему же отдает все свои заработки, так что если они кому-либо должны, то единственно одной ей, Е.П.Блаватской. Все дело было напечатано со всеми цифровыми данными в самой газете с прибавлением извинений редактора. Подобные вечные преследования и нападки, быть может, не действовали бы особенно на более хладнокровного человека, но сестра моя была болезненно раздражительна и, глубоко чувствуя оскорбления, болела вследствие их еще больше.

Заболела она и ранней весной 1881 года, испытав на себе более чем какой-либо другой русский человек весь ужас, горе и стыд, покрывший Россию в день 1го Марта⁶⁴. Я говорю, что она чувствовала сильнее других, потому что в крайнем своем одиночестве не имела с кем поделиться⁶⁵ горем, должна была стараться скрывать его, боясь злорадных насмешек... Но нет! Она ошиблась в этом: их почти не было!.. Она сама писала нам, что неожиданно нашла сочувствие, которого не ожидала во многих, – что все, даже завзятые русофобы, были поражены и смущены. Во многих Англо-индийских газетах явились сочувственные статьи, полные негодования против злодеев; а журнал Теософистов явился в черной траурной обложке. Это была деликатная забота президента, потому что Елена Петровна как прочла ужасную телеграмму, так ноги у нее подкосились и упала она, рыдая и обо всем забыв... Зато придя в себя, она разразилась громовыми статьями против «язвы родной земли» – нигилистов! Нам она писала:

«Господи! Что ж это за ужас такой? Светопреставление, что ли у вас?.. Или сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?! О Господи! Атеистка я, по вашему, буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, – а горько мне! Жаль семью царскую, Царя-мученика! Жаль всю Россию!.. Гнушаюсь, презираю, проклинаю этих подлых извергов-социалистов. Пусть все смеются надо мной, но я – *Американская гражданка* – чувствую к незаслужен[н]ой, мученической смерти Царя Самодержавного такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать...»

Она довольна была, что местные газеты не раздражали ее горя – сразу тон изменился, забыли и злобствования, и подозрительность, и Мерв, и Кандахар⁶⁶, и даже Скобелева⁶⁷ с Кауфманом⁶⁸. В «Pioneer» Синнета она написала прекрасную статью⁶⁹ о том, что свершил Царь Александр II, как любил его русский мужик – «все, что только вспомнить могла, и вообрази, – пишет она, – ни словечка не выкинули и в другие газеты перепечатавали. Только вот, как вышла я впервые в трауре, так многие дураки спрашивали: “Что ж это вы? Ведь вы же – американка?..” Разозлилась я, да и послала общий ответ в *Bombay Gazette*: “Не как русская подданная надела я траур, пишу, а как *русская родом!* Как единица многомиллионного народа, благодетельствованного тем кротким и милосердным человеком, по которому вся родина моя оделась в траур. Я этим хочу выказать

⁶³ наоборот (лат.).

⁶⁴ 1 марта 1881 г. революционерами был убит российский император Александр II.

⁶⁵ Далее зачеркнуто: *своим*.

⁶⁶ В.П.Желиховская ошиблась – события вокруг Мервского оазиса произошли после 1 марта 1881 г. Речь идет об Афганском кризисе – конфликте между Россией и Англией из-за сфер влияния в Центральной Азии, спровоцированный боем на Кушке 18 (30) марта 1885 года, в результате которого русская армия заняла афганскую территорию к югу от реки Амударья и Мервского оазиса, у селения Пенджде.

Кандагар – город в южном Афганистане.

⁶⁷ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – военачальник, участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁶⁸ Кауфман Константин Петрович (1818–1882) – военный деятель, инженер-генерал (1874), генерал-адъютант (1864), руководивший завоеванием и колонизацией регионов Центральной Азии.

⁶⁹ После получения известия о гибели Александра II Е.П. Блаватская опубликовала в газете «The Pioneer» (9 апреля) статью «Цареубийство».

уважение, любовь и искреннее горе по смерти Царя моих отца и матери, сестры и братьев моих в России!”

Ну замолчали. А то ведь было две-три газеты начали было подтрунивать – с чего-де контора, и редакция, и сам “*Теософист*” в траур облеклись?.. Ну, вот, – пусть знают и убираются к черту!»⁷⁰

Прислали ей портрет Царя-Мученика в гробу.

«Как посмотрела я на него, – пишет она тетке своей, – верь не верь – должно быть помутилась рассудком! Неудержимое что-то дрогнуло во мне, да так и толкнуло: как перекрещусь я большим крестом православным, как припаду к руке его, покойника, так даже сама остолбенела!.. Я-то, восемь лет, со смерти отца, не крестившаяся, рассентиментальничалась!..

Ведь это просто беда: до сих пор (письмо от 10 Мая) не могу спокойно газет читать. Квашня какая-то слезливая сделалась – нервы никуда не годятся».

В самом деле, она той весной так разболелась, что чуть не умерла. Все доктора решили, что ее необходимо лечить прижиганием и в конце измучили ее, обратив ей всю спину в живую рану. И это при жаре в 50 и 60 градусов!.. Она все же работала, даже в постели, и старалась быть на ногах. Разумеется, она не в состоянии была заниматься по-прежнему; ей помогали несколько туземных секретарей по местным языкам и⁷¹ некая Mme Coulomb, француженка, которую она вместе с мужем ее спасла от голодной смерти, приютив их у себя.

«О Господи, какое это несчастье – жить и чувствовать! – писала она тогда. – Так бы кажется в Nirvanу и бухнула; так и тянет и манит меня на вечный покой!.. Эх, милые мои! Повидаться только бы с вами, да знать, что вас *это* не огорчит...»

Но в следующих же письмах она опровергала это малодушие. Она слишком твердо верила, что в смерти не все и не тотчас достигают желанного покоя. Она, в сущности, презирала и боялась всякого помысла о произвольном прекращении страданий, видя в них закон возмездия⁷², нарушение коего неминуемо влечет за собой еще худшее воздаяние в несомненном продолжении существования за гробом...

Когда бывало ей очень плохо, нас извещали о ней Оллькот или, если он разъезжал по Индии, Японии, Цейлону, – как почти круглый год путешествовал, читая лекции, образуя везде новые ветви Т[еософического] О[бщества], – секретари ее имели адрес и инструкции кому и куда писать. Так в начале Августа нами было получено извещение о ее неожиданном отъезде совсем больной в Северную Индию, в Симлу и далее. Мы изумились: куда же поехала она в таком состоянии с одним только преданным ей, но весьма неопытным молодым слугой-индусом⁷³ Бабулой. Собственноручное письмо Е[лены] П[етровны] из Мирута (за Аллахабадом) известило нас, что она «получила приказание, оставив железные и другие большие пути, следовать с присланным ей провожатым в джунгли⁷⁴ (тростники) “Священного леса” Деобёнда»; что там она встретится с неким «великим Ламой *Дебо-Дургаем*», который там будет на возвратном пути в Тибет с богомолья к дереву Будды (под коим свершилось его «просветление») и *должен* ее вылечить.

Вылечить «святой старец» ее не вылечил, но временно помог, хотя не тотчас на месте и довольно косвенным образом, потому что она прежде всего еще сильнее заболела, – так сильно, что все были убеждены, что она умирает...

«Я была в беспмятстве, ничего не помню, как меня внесли в носилках глухою ночью на громадную высоту, но проснулась или, скорее, очнулась на другой день под вечер, – рассказывает Е[лена] П[етровна] в следующем письме. – Я лежала среди большой каменной, совершенно пустой комнаты. Вокруг в стенах были высеченные каменные изображения Будды; кругом курились какие-то кипевшие в горшках снадобия, а надо мной лама Дебо-Дургай делал магнетические пассы...»

---

⁷⁰ См. также письмо Е.П.Баватской к А.Н.Аксакову от 12 мая 1881 г. («И Американская я гражданка; и буддистка; а не быть мне ничем, как русской, чисто русской сердцем до смерти моей!») Три письма Е.П.Баватской А.Н.Аксакову (1881–1886) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>.

⁷¹ Далее зачеркнуто: *все та же*.

⁷² *Карму*, один из основных догматов учения. Непреложное возмездие *за все* – за зло и добро, по делам каждого. – *Примечание В.П.Желиховской*.

⁷³ Далее зачеркнуто: *слугой*.

⁷⁴ джунгли (*англ.* jungle).

Она заснула на целые сутки и во сне снесли ее обратно с гор из *Вихары* (обители, иссеченной в скале) к ожидавшим ее внизу друзьям и слугам. Хроническая болезнь ее была облегчена, но зато на этих холодных высотах она опять захватила острую ревматическую лихорадку, от которой долго не могла отделаться.

Вообще, если верить показаниям докторов и всех окружавших Блаватскую в Америке, Индии, да и позже в Европе, она из каждой своей болезни (почти ежегодно приводивших ее на край могилы) не могла быть исцеленной врачами, а всегда в последнюю минуту, – когда доктора заявляли, что она *должна* умереть, – вдруг являлось облегчение и она восставала из мертвых неожиданно, никому не понятными путями излеченная... Так повторялось несчетное число раз и свидетельствовалось из разных мест различными лицами. Зато в последнюю болезнь ее Лондонские врачи уверенно заявили утром, что всякая опасность прошла и через два дня она будет совершенно здорова, – а она через два часа умерла!..

Так вся жизнь Е.П.Б[латвской] до самой минуты смерти была соткана из странностей, противуречий и неожиданностей.